

Эдуард Тополь

«Еду я
на
осле!»

и другие
смешные
истории

Астрель

Эдуард Тополь

**«Еду я на осле!» и другие
смешные истории (сборник)**

«Эдуард Тополь»

2013

УДК 821.161.1-31-053.2
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-44

Тополь Э. В.

«Еду я на осле!» и другие смешные истории (сборник) /
Э. В. Тополь — «Эдуард Тополь», 2013

ISBN 978-5-17-081367-4

Взрослый писатель Эдуард Тополь пишет и для ребят. Его смешные, трогательные и очень добрые рассказы про знакомых животных порадуют и взрослых, и детей. Очаровательная кошка Джина Лоллобриджида, вечно голодные воронята, а ещё таракан Шурупик, мышка Сусанна и другие забавные герои рассказов Эдуарда Тополя готовы познакомиться и с вами!

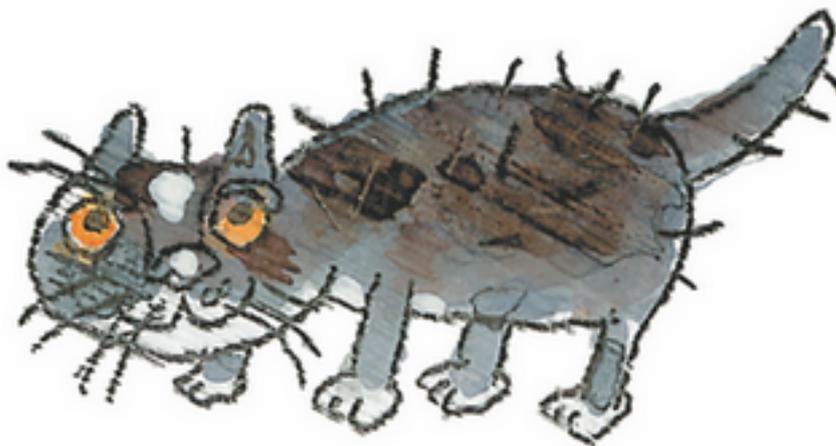
УДК 821.161.1-31-053.2
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-081367-4

© Тополь Э. В., 2013
© Эдуард Тополь, 2013

Содержание

Моя кошка Джина Лоллобриджида	5
Йалка – музыкальный осел	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Эдуард Владимирович Тополь Еду я на осле и другие смешные истории

Моя кошка Джина Лоллобриджида

Да, у меня была кошка с именем и фамилией – Джина Лоллобриджида. Слушайте, как было дело.

Я много лет жил в деревне под Москвой, в Доме творчества «Болшево». Дом творчества – это такой санаторий для писателей, где можно целый день ничего не делать, а когда уже совсем делать нечего, то можно сочинять киносценарии, книжки или пьесы для театра. Но я это шучу, конечно, у меня там была комната в деревянном домике-коттедже, и в этой комнате я с утра стучал на машинке, сочинял кино, а потом, когда уже ничего не сочинялось, я уходил гулять в лес или на речку. И вот однажды зимой, в декабре, кажется, когда уже были сильные морозы и снег, мы пошли с одной артисткой, Тамарой Носовой, – очень смешной артисткой, – так вот, мы пошли с ней погулять, подышать воздухом. До леса мы не дошли, замёрзли, повернули обратно. Идём по деревенской большевской улице и видим – на белом снегу кусочек чёрного угля шевелится. Небольшой такой кусочек, может быть, меньше, чем мой кулак. И

– шевелится. Станет на лапки, сделает несколько шагов по наскольженному машинами снегу мостовой, поскользнётся и – кувырк, падает.

«Ах ты, – думаю, – котёнок какой глупый! Тебя же машины задавят! Иди-ка сюда!» И – хочу его догнать, сграбастать, но... ничего подобного! Не могу поймать – убегает! На своих крохотуленьких ножках убегает – так бочком, бочком и ещё хвостик трубой поднял, понимаешь! Я чуть сам не поскользнулся и не шмякнулся носом в мостовую, когда за ним погнался.

А артистка Носова, конечно, смеётся надо мной – тоже мне, говорит, котёнка догнать не может!

Совсем я на этого котёнка разозлился. «Да ну его, – говорю, – не нужен он мне, я его согреть хотел, а он... Ну и убегай себе, катись!»

И пошёл своей дорогой.

Идём мы с Носовой по улице, и я так вкось смотрю – что такое? Догнал нас чёрный уголёк, скользит по льдистой мостовой лапками, а догнал! «Ах ты!» – думаю и – раз, подхватил его под пузико и за пазуху сунул, под дублёнку. А дублёнка у меня замечательная была, с длинным нестриженным мехом, как тулуп, – ну тёпла-ая! Я с ней и на Крайний Север летал, и в Сибирь – нигде не замерзал! И слышу – возится там мой котёнок, ещё глубже за пазуху прячется, греется. «Ладно, – думаю, – о'кей, грейся». Пришли мы домой, в Дом творчества, я и говорю Носовой:

– Том, а Том, тебе нужен котёнок?

– Нет, – говорит, – не нужен. У меня дома собака, боксёр.

– А что же мне теперь с ним делать? – говорю. – Не могу же я его выбрасывать, я ведь его уже согрел!

– Конечно, – говорит, – раз согрел – не имеешь права выбрасывать! И вообще, – говорит, – запомни: кого согрел, того не имеешь права выбрасывать, нечестно это, понял?

Делать нечего, пошёл я с котёнком домой, в свою комнату. Думаю, что мне с ним делать? Сходил на кухню, взял у повара блюдо с молоком, принёс в свою комнату, говорю котёнку: «Пей». А он не пьёт. Я его мордочкой тычу в блюдо с молоком – опять не пьёт. «Ах ты, – думаю, – ну что с ним делать, не понимает, что это молоко, наверно». Намочил я палец в молоке и сунул котёнку в рот. А ротик-то у него, Боже мой, крохонький! Стал он мне палец облизывать своим красненьким язычком – мне и смешно, и щекотно...

Так и поселился у меня этот котёнок, и я назвал его Уголёк. Через несколько дней он уже сам молоко лакал из блюдца и бегал по всей комнате за бумажкой, которую я перед ним на нитке дёргал. Толстенький стал, как колобок, и – я забыл вам сказать – очень красивый. Потому что он не весь чёрный был, а – оказалось – у него очень аккуратный белый галстучек, и все четыре лапки в белых перчаточках, и на лбу – маленькая беленькая звёздочка, ну, не звёздочка, а такое маленькое беленькое пятнышко, как звёздочка. И от этого мордочка сразу казалась такой умненькой, весь котёнок в этом белом галстучке и белых перчаточках – такой аккуратный, интеллигентный, что все, кто приходил ко мне в гости, тут же брали его на руки, гладили, рассматривали.

И вот одна гостья – уже не помню кто – так внимательно его рассмотрела, что вдруг говорит:

– А это и не мальчик совсем, а девочка. Кошка это, а не кот.

Ну, стал я думать, как мне её назвать. Я сразу решил, что у моей кошки должны быть имя и фамилия. Только какие? Было два варианта: или американская артистка Лиза Миннелли,

потому что у меня на стенке висел её портрет, или Джина Лоллобриджида. Но Лиза Миннелли не годилась, потому что Лиза – это русское имя, придёт кто-нибудь в гости и обидится, что я её именем кошку назвал, а во-вторых, все будут думать, что Лиза от слова «лизать» или «лизаться», или даже «подлизываться», а моя кошка совсем даже не была подлизой, а, наоборот, росла очень грациозной, игривой, задиристой и самостоятельной. Даже скажу вам по секрету, что она очень быстро научилась аккуратно ходить в туалет, и у нас с ней на эту тему почти никогда не было скандалов.

Ну, вот и стал я её называть Джиной Лоллобриджидой. Всю зиму прожила она у меня в комнате, на улицу выходить боялась, только любила сидеть на окне, смотреть, как воробьи скачут. И много у меня с ней было в ту зиму приключений и забавных историй.

Во-первых, она научилась будить меня рано утром. Вообще-то я терпеть не могу рано вставать, я люблю поздно ложиться и поздно вставать, а вот Джина – как раз наоборот. И стала она меня перевоспитывать. Я ей не разрешал у меня на кровати спать, у неё было своё место – в кресле.

И вот она займёт с вечера кресло и спит себе, а я слушаю радио или книжку читаю и ложусь, конечно, поздно. И поэтому сплю себе утром до завтрака. А Джина – нет. Она выспится, проснётся в шесть утра, залезет рядом со мной на тумбочку, где радио стоит и книжки лежат, усядется и смотрит мне в лицо, ждёт, когда я начну просыпаться. Хитрющая была – никак не перехитришь. Только-только я шевельну ресницами, она уже понимает: ага, это я уже не сплю, и – прыг с тумбочки на пол. И в обход мою кровать обегает, и шарк – щекочет лапками мою высунутую из-под одеяла ногу. Ну, я как заору: «Джина, отстань!» А ей только того и надо, чтобы я проснулся, – уж она по всей комнате понеслась, как белка: шарах – на окно, шарах – под койку, шарах – по письменному столу, шарах – по моей кровати. Набегается, сядет возле моей кровати близко-близко и смотрит, хитрющая, ждёт, погонюсь я за ней, или тапочек в неё брошу, или подушкой запущу. Уж тут радости! Снова, как выюн, по всей комнате, ну только что не хохочет, не умеют кошки хохотать, а жалко!

Ну, потом я научился так спать, чтоб под утро просыпаться лицом к стенке – чтобы ей моих ресниц не видеть было, ага.

И что вы думаете? Как она меня будила? А так: лапкой своей, самой подушечкой чуть-чуть коснётся моей щеки и тут же уберёт лапку. Вот когда говорят «нежно, как кошка лапой», так это про мою Джину. Я много в жизни нежностей видел, но никто меня никогда так нежно не гладил по щеке рано утром, только два существа – Джина и моя маленькая племянница Ася.

Ну вот, и научила меня Джина рано вставать и зарядку делать. Потому что до завтрака чем мне ещё было заняться?

А после завтрака я ей всегда приносил из столовой котлету, или сосиску, или молоко, и садились мы с ней за работу. Я на машинке стучал, а она сквозь окно воробьёв считала. Потом, через пару часов, надоест ей воробьёв считать и мою машинку слушать, она – прыг на письменный стол, или на плечо мне, или даже на пишущую машинку. Я её прогоню, а она опять – мол, хватит работать, антракт, давай поиграем во что-нибудь. А во что мне с ней играть? У неё только одна игра была – чтобы я её ловил, а она от меня убегала. По всей комнате.

Потом стал я её приучать на улицу выходить. Помню, первый раз открыл двери на улицу, на мороз, и говорю ей: «Хватит дома сидеть, иди погуляй по снегу». А она смотрит то на меня, то на дверь. Потом вышла на крыльцо, понюхала снег, потрогала его лапкой и – шмыг домой. «Ах ты, – думаю, – неженка какая!» Взял её на руки, пошёл на улицу и посадил её в сугроб. «Закаляйся!» – говорю. Ох, как она обиделась! Хвост задрала трубой и бегом в дом, спряталась под кровать и целый день там сидела, не хотела со мной общаться, обиделась.

Но всё-таки мало-помалу стала она привыкать выходить на улицу. Особенно когда солнечный день выдавался. Я говорил: «Джина, пойдём погуляем», брал её на руки и выходил из дома. Отходил от дома на несколько шагов, останавливался на тропе посреди сугробов, ставил

её на снег и ждал, что она делать будет. А она походит вокруг моих ног, понюхает снег, а потом так осторожно пройдёт по тропе – сделает шаг и ждёт, ещё шаг – опять ждёт. Мне смешно смотреть на эту трусиху, ка-ак свистну, она – тут же домой наутёк. Но день за днем всё смелей и смелей становилась моя Джина Лоллобриджида, уже на десять шагов впереди меня идёт, потом на двадцать, и скоро я с ней совсем как с собакой гулял. Бывало крикну: «Джина, ко мне!» – и она тут же подбегает, трётся возле ног и идёт рядом, как верная собачонка. И так разохотилась по снегу гулять, что уже стала со мной в догонялки и ловитки на улице играть. Выпустишь её, а она – шмыг куда-нибудь в кусты за сугробы, и ищи её. Или – скок, скок по снегу и на дерево какое-нибудь залезет метра на два и смотрит на меня – погонюсь я за ней или нет, полезу в сугроб или не полезу. И однажды так забаловалась, так разыгралась, что уже не на два метра, а на самый верх дерева вскарабкалась. Я ей снизу кричу: «А ну слезай!» – а она дразнит меня и ещё выше лезет. А там ветки тонкие, и я вижу, что ей уже самой страшно, да она на такой тонкой верхушке не может развернуться, вот и лезет всё вверх и вверх.

Стал я её звать – и по-хорошему, и по-плохому, и шапкой в неё кидал, и снежками пробовал, и дерево тряс – ничего не помогает, влезла моя Джина на самую-самую верхушку дерева, раскачивается там, пищит, а слезть не может. Пошёл за стремянкой. А смеркалось. Еле-еле я в котельной у кочегаров какую-то стремянку нашёл, но короткую – два метра. Приставил к дереву стремянку и полез по веткам, но какое там! Джина ведь на самой-самой верхушке, мне туда не добраться – ветки подо мной обломаются. Уселся я посреди дерева, стал её звать к себе, говорю: «Джинушка, девочка, ну слезай, пожалуйста, иди сюда». А она висит на макушке дерева, ухватилась всеми четырьмя лапками за ветку – и ни вперёд, ни назад, боится с места тронуться. Так я и не смог её уговорить, слез с дерева и с досады хотел идти домой, думаю, пусть посидит там, сама спустится. И вдруг вижу – огромный кот, ну о-огромный, сидит под деревом и смотрит на мою Джину.

– Ах ты, – говорю, – негодяй! А ну пошёл отсюда!

И снежком в него запустил.

А он отошёл на несколько метров и опять сел себе в снег и сидит, ждёт, когда я домой уйду. Ну что мне делать? Стал я этого кота прогонять. Отгону его от дерева, только домой двинусь, смотрю – опять его глаза из-за кустов светятся. Темно ведь уже, ночь скоро. Ну, я чуть не плачу. Зову Джину, а она не слезает, сидит себе там, наверху, сжалась в комочек и уже не пищит даже, не мяукает, вообще не отвечает. У меня уже и ноги замёрзли, и нос, и вообще надоела мне эта история, но как я её брошу, если тут рядом этот котикше разгуливает?

Ладно, пошёл я домой, включил я в своём доме весь свет и ещё настольную лампу на окно поставил и направил свет на дерево, где моя Джина сидела, чтобы видеть мне через окно, когда этот кот на дерево ползет. И вот представьте себе, всю ночь я возле этого окна просидел, караулил мою Джину Лоллобриджиду, чтобы её этот кот не обидел. Музыка включил на полную громкость, кофе пил, чтобы не уснуть, и каждый час выходил на улицу звать мою Джину. А она не слезает. Холодно, мороз, снег скрипит под ногами, котикше, конечно, ушёл давно, но

я всё равно не спал: а кто его знает, вдруг он вернётся? Так и досидел я до рассвета, а на рассвете... Подошёл я опять к дереву и говорю: «Джинушка, ну слезай, пожалуйста», – и вдруг вижу – ползёт моя кошка вниз, пищит, мяукает, а ползёт. Я ей говорю: «Вот молодец, смелей, прыгай!» – и дублёнку свою снимаю и держу на руках, чтобы было ей куда прыгать. А у неё, наверно, лапы так замёрзли, что она уже и держаться не может за ветки, прямо кубарем катится по дереву, только сучки трещат, сорвалась с ветки и – бах, прямо мне на руки, в дублёнку!

Прижал я её к груди, как родную дочку, и – домой! Дома налил ей молока, а она и не пьёт – залезла под тёплую батарею и сидит там, молчит, не шевелится даже. Так целый день под тёплой батареей и просидела, только к вечеру вышла, попила молока и опять – к теплу. Грелась после такой морозной ночи.

Всё-таки не отдал я её коту в обиду, всю ночь высидел без сна у окна, а уберёг свою Джину, и она мне такой же верностью платила. Вот послушайте как.

Были у меня в ту зиму всякие дела в городе, в Москве: то на киностудию поехать, то к племяннице Асе, ну мало ли дел в Москве? И вот я оставляю утром Джине молоко в блюде, котлету и колбасу положу в мисочку и говорю, мол, я уезжаю, ты не скучай, вот тебе еда, кушай. Потом заведу свою машину и уезжаю в город, в Москву. А возвращаюсь, конечно, поздно вечером, а иногда и ночью даже. Думаю, как там моя Джина? Заезжаю во двор нашего Дома творчества, ставлю машину в гараж и – бегом домой. Смотрю, моя Джина сидит на подоконнике, выглядывает меня, а захожу в комнату – она прямо ко мне, и трётся головой о ноги, и трётся, и мурлычет. Включаю свет – что такое? Молоко с утра стоит нетронутое, котлета и сосиска не съедены – ну, не прикасалась кошка к еде целый день, и всё тут! Ты, говорю, почему не ела тут ничего без меня? А она мурлычет, головой об ноги трётся, и, пока я её не возьму на руки, пока не поглажу, не скажу всякие тёплые слова, мол, Джинушка моя, Лоллобриджишка, она не отойдёт от меня. И только потом, через пару минут, когда и погладишь её, и извинишься за то, что целый день меня не было, – и только тогда она спрыгнет с колен на пол, медленно так подойдёт к мисочке и не спеша, с достоинством начинает молоко лакать. И вот так она меня приучила пораньше домой приезжать – не ела без меня, и всё тут. И соседи мне рассказывали, что, когда меня нет, она целый день сидит на подоконнике – ждёт. Уж они с ней пробовали и заигрывать, и кормить её через форточку – она на них ноль внимания. Только слушала шум машин на шоссе и мою машину ещё издали узнавала – уж не знаю как, всё-таки кошка, у неё слух кошачий! Как услышит мою машину, забегает по подоконнику, на задние лапки становится, чтобы побыстрее мою машину увидеть, и, когда видит, что это действительно я, опять садится и ждёт спокойно.

Вот такая была моя Джина Лоллобриджида! Верная кошка!

А теперь слушайте, как мы с ней расстались.

Дело к весне шло, и настала мне пора уезжать из России навсегда.

Стал я думать, что мне с Джинкой делать, кому отдать в хорошие руки. Ведь Джина моя выросла, стала такой красивой и грациозной кошкой, что с ней даже в цирке можно было выступать. Вся чёрная, в белых перчаточках, при белом галстуке-бабочке и на лбу белая звёздочка. Много разных артисток просили у меня отдать им Джину. Но я артисткам не доверяю. Позовут их в какой-нибудь другой город в кино сниматься, они и бросят мою Джину кому попало. Нет, не доверяю я артисткам, знаю я их!

И тут как раз приходит ко мне наш садовник Степан Фёдорович, приходит и говорит: «Слыхал я, – говорит, – ты куда-то уезжаешь и не знаешь, куды тебе твою Джину пристроить». – «Ага, – говорю, – действительно». – «А чего же ты, – говорит, – своей Асе её не отдашь, племяннице?» А я говорю: «Потому что Ася со мной тоже едет, я без неё не могу долго жить». – «Понятно, – говорит, – так эта вот... я, – говорит, – дом себе купил неподалёку, так моя жена хочет кошку в доме завести, может, она приедет познакомиться с твоей Джинкой?» Так, думаю, это – дело, это серьёзные люди. «А сад, – говорю, – у вас есть?» – «Есть, – говорит, – и дом, и

сад, ей у нас хорошо будет, ты не сомневайся. Так что, звать мне жену?» – «Нет, – говорю, – мы с Джинной сами поедem с твоей женой знакомиться. И дом посмотрим, и сад. Если ей у тебя понравится – твоя будет Джина!»

Завёл я машину, посадил Джину на заднее сиденье, Степана Фёдоровича на переднее, и поехали мы смотреть его дом и сад. А там нас хозяйка встречает, молока наливает Джине в блюдце, но Джина не пьёт, а сразу – представьте себе – идёт весь дом обнюхивать. «Ага! – говорит хозяйка. – Мыши у нас по ночам скребутся, все сухари поели за печкой, вот будет теперь хозяйка в доме, наведёт порядок!»

А Джина вышла в сад, а там вишни цветут белыми цветами, пчёлы жужжат – хорошо. Мне самому нравится, я бы и сам тут остался. «Ну что? – говорю я своей Джине. – Нравится тебе тут? Будешь тут жить?» Молчит моя кошка, не отвечает, а молчание, как вы знаете, знак согласия. Да я по глазам вижу, что уже хочется и ей свой дом иметь – чтоб и кухня была своя, и столовая, и спальня, и сад, чтобы всё, как у людей, а не то что какая-то комнатёнка в Доме творчества у писателей!

«Ладно, – говорю, – Джина ты моя Лоллобриджида! Живи тут с миром! А я поеду в эмиграцию, посмотрю, как там люди живут, в других странах...»

И – поехал. Только не сразу, не на другой день, конечно. А осенью, в октябре. И вот перед самым отъездом были у меня дела в Болшево, под Москвой. То ли мне нужно было там сувениры купить, то ли чемодан я искал в дорогу, не помню. Только думаю, дай-ка я заеду посмотреть, как там моя Джина живёт, попрощаюсь. И заехал. Спрашиваю у хозяйки: «Здравствуйте, как тут моя Джина поживает?» – «А вон она, – говорит, – в углу с котятами. Нужен вам котёнок?»

А я смотрю – действительно, в углу, в старой кошёлке, три чёрных уголька-котёнка и один беленький, а рядом Джина сидит и облизывает каждого. Посмотрела на меня и опять стала их облизывать, будто и нет ей до меня никакого дела. Но я и не обиделся – вон у неё сколько хлопот, четверо котят! А хозяйка опять спрашивает:

– Вы уже назад приехали? Нужен вам котёнок?

– Нет, – говорю. – Я уезжаю. Ненадолго.

– Жалко, – говорит. – Нужно этих в хорошие руки отдать.

– Правильно, – отвечаю. – Только артисткам не отдавайте! Знаю я их!

Так я и уехал. И живу теперь в Америке, в Нью-Йорке, и думаю: у кого там эти котята живут, у хороших ли людей?

Йалка – музыкальный осел

Это случилось высоко-высоко в горах, на Памире. Я поехал туда с кинооператором снимать своё первое в жизни кино – про гляциологов. Кто такие гляциологи? Это такие учёные, которые всю жизнь лазают по горам и изучают, почему в горах летом снег не тает, а, наоборот, даже ледники образуются.

Честно говоря, меня это тоже с детства интересовало: а почему летом в горах снег не тает? Вот я и решил снять кино про этих ученых-гляциологов и заодно выяснить этот интересный вопрос. Позвонил я в Академию наук СССР, узнал, где самая интересная экспедиция в то лето работает. Оказалось, что на Памире, возле города Фергана. Взяли мы с моим другом-кинооператором командировку на московском телевидении и – поехали в Фергану! Точнее, полетели. Самолётом. Потому что от Москвы до Ферганы поездом ехать – это, наверно, семь суток или восемь – ужасно долго. А самолётом – всего несколько часов, и вот мы уже прямо в горах, в зелёном-зелёном городе Фергане, где люди ездят на ишаках и ослах, как во время транспортной забастовки в Нью-Йорке все ездили на велосипедах. Ещё там по всем улицам прорыты эдакие канавы-арыки, и по этим арыкам всё время течёт вода, чтобы, во-первых, и люди, и ишаки могли эту воду пить и чтобы, во-вторых, не так жарко было жить им всем в этом городе. Кроме того, там ещё много всякого смешного и интересного, в этой Фергане. Например, все девушки мажут брови и переносицу чёрной краской – сурьмой, и получается, что у них одна сплошная чёрная полоса идёт через лоб над глазами, и это считается красиво. Ещё там прямо на улице пекут хлеб, который называется «чурек», и делается это так: на тротуаре стоит печка-жаровня с круглой дыркой сверху, рядом с этой печкой сидит на земле какая-то тётка или старуха – ноги распахнула, юбку задрала и прямо на ляжках отбивает тесто, чтобы получилась лепёшка. Потом эту отбитую на ляжках лепёшку она забрасывает в печку-жаровню, там эта лепёшка прилепляется к горячей стенке, и через две-три минуты вы получаете свежую, горячую лепёшку-чурек, такую вкусную, что, хотя её отбивали на не очень чистых ляжках прямо на тротуаре, всё равно вы её съедаете за милую душу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.